

И. Паркер

КРИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МАРКСИЗМ¹

Данная работа рассматривает пересечение марксизма и психологии, сосредоточиваясь на «критических» подходах, возникших в этой дисциплине за последние 15 лет. Работа прослеживает то, каким образом элементы марксизма, диаметрально противоположные, а в некоторых случаях диалектически противоположные обычной психологии, избегаются, неправильно представляются или систематически искажаются якобы «критическими» психологиями в англоговорящих странах. Элементы марксистского анализа — человек как совокупность социальных отношений, материальность семьи, частной собственности и государства, прибавочная стоимость и культурный капитал, отчуждение, эксплуатация и идеологическая мистификация — сопоставляются со стандартными дисциплинарными понятиями психологического предмета, общества, утилитарной прозрачности, нездорового опыта и ложных убеждений. Особенности позиции исследователя марксизма — точка зрения, рефлексивное положение, классовое сознание, институциональное пространство и социальная революция — противопоставляются доминирующим в обычной психологии понятиям нейтральности, рационализма, индивидуального просвещения, научного знания, адаптации и улучшения. Изменение в марксизме — как перманентное изменение, процесс с относительно прочными структурами, теоретической практикой, материалистической диалектикой и префигуративной политикой — противопоставляется стандартным процедурам ратификации, прагматизма, эмпиризма, позитивизма и разработки планов. Данный анализ дисциплины и ее «критических» вариантов направлен на расчистку пути для революционной марксистской работы внутри и вне области психологии.

Ключевые слова: антикапитализм, капитализм, критическая психология, марксизм, неолиберализм.

¹ Версия данной статьи была опубликована: *Parker, I. Critical psychology and revolutionary Marxism. // Theory & Psychology. — 2009. — Vol. 19(1). — P. 71—92.*

Пер. с англ. В.В. Саниной.

У марксистов есть все причины избегать психологии, однако их хорошо обоснованное подозрение к дисциплине, фокусирующейся на деятельности индивидов и их внутреннем психическом состоянии, поставило сложные вопросы перед марксистами, работающими психологами (Hayes, 2004). Большое разнообразие подходов внутри дисциплины, претендующей на занятия психологией и ее продвижение, усложняет возможность работающих в какой-либо политической традиции предоставить достоверную альтернативу, решающую все концептуальные, методологические или идеологические проблемы. В то же время разнообразные и порой сектантские диспуты, озадачивающие марксизм, означают, что просто невозможно верить в существование одного единственного аутентичного голоса марксизма, не говоря уже о позиции, претендующей на законность быть «марксистской психологией» (Parker & Spears, 1996). Данная работа не имеет таких претензий и преследует другую цель, утверждая, что революционному марксизму как политической традиции есть что сказать вне дисциплины о современных спорах, и это должно привести нас к отказу от связи с какой-либо определенной тенденцией внутри дисциплины, включая новые версии «критической психологии» (Parker, 2007a).

Под революционным марксизмом я подразумеваю политическое движение, сочетающее теоретический анализ капиталистического общества и разнообразные идеологические формы, и служащие ему дисциплинарные практики с практической задачей его свержения; таким образом, очевидные знания приверженцев марксизма о формах давления капитализма (назовем хотя бы три, обязательно связанные с экономической эксплуатацией, — расизм, гетеросексуализм и трудоспособность) развиваются в качестве логики исследования, имеющего своей целью выражение отказа от капитализма, уже проявляющегося среди страдающих в этом обществе. Исторически данное политическое движение начинается с неудавшегося возрождения Парижской коммуны в 1871 году и приводит к успешной русской революции 1917 года, а затем к попытке защитить и поддержать творческий и демократический дух мятежа во времена сокрушающей бюрократической антиреволюции при Сталине и возродить этот дух в студенческом и рабочем сопротивлении в 1960-х годах в капиталистических странах (Mandel, 1978, 1979). В таком случае историческая материалистическая «методология» революционного марксизма — лишь средство, выступающее гарантом самосознания политического движения, которое изменит мир. Марксизм — не застывшая совокупность знаний; как и капитализм, он развился, и опасности для капитализма мутировали за счет экспансии частного сектора (Mandel, 1974), глобализации (Went, 2000) и новых идеологических форм, посредством которых он интерпретируется другими «критическими» теоретиками (Bensaïd, 2002).

КРИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МАРКЗИЗМ

Таблица 1. Обычная психология и критическая психология по отношению к капитализму

(Анти)капитализм (ретроспективно разделенный на три аспекта)	Обычная психология (функциональная для капитализма)	«Критическая психология» (легализация и борьба)	Современный капитализм (требования)
I. Анализ (предметное положение субъекта)	«модели» психологического индивида	теория врожденности	идентичность
1. Совокупность социальных отношений	психологический субъект «социальная психология» и «общество»	дискурсивный субъект и дело	держатели совместного дела
2. Материальность (семья, частная собственность и государство)	утилитарная прозрачность нездоровый опыт	системное и общность	замещаемость
3. Прибавочная стоимость (и культурный капитал)	ложные убеждения	высказывание по очереди переструктуризация	права гибкость
4. Отчуждение и эксплуатация	этнос исследователя	здоровый смысл	толерантность
5. Идеологическая мистификация			
II. Позиция (условия невозможности)		«этика»	мораль
1. Позиция, точка зрения	нейтралитет	неразрешимость	баланс
2. Рефлексивное положение	рационализм	«рефлексивность»	ответственность
3. Классовое сознание	индивидуальное просвещение	ирония	цинизм
4. Институциональное пространство	научное знание	языковые игры	точки зрения
5. Социальная трансформация	адаптация и улучшение	вербальная гигиена	мультикультурализм
III. Изменение (производителей товара и самого товара)	либеральное мировоззрение	четкая позиция	политика
1. Перманентное изменение	ратификация и универсализация	описательная незавершенность	глобализация
2. Относительно устойчивые структуры	прагматизм	перестройка	открытость
3. Теоретическая практика	эмпиризм	текстуальный эмпиризм	переосмысление
4. Материалистическая диалектика	позитивизм	деконструкция	подозрение
5. Префигуративная политика	планы	релятивизация	отказ от прошлого

Очертания современного капитализма и элементы революционного марксизма, антикапитализма настоящего времени, представляются в табл. 1 (см. с. 35.), место же психологии в этой матрице будет уточняться по ходу данной работы. Единственные легитимные институциональные базы для революционного марксизма многие годы существования Советского Союза (в котором он жестко вытеснялся) находились в университетах, и историческая ирония заключается в том, что эта политическая традиция, столь противоположная формализованным теоретическим методам аргументации, оказывается соединенной с методами дискурса, позволяющими высказываться скорее интеллектуалам, а не самим рабочим; марксизм зачастую воспринимается именно на фоне такой политико-экономической ситуации и инкорпорируется в академические институты в качестве социально-научной «критики» капитализма (Theborn, 1976). В таком случае у революционных марксистов уже должна была развиться антипатия к «критическим» традициям в доминирующих академических дисциплинах, однако для выражения этой антипатии необходимо изложить достаточные основания.

Данная работа исследует и детально разрабатывает современные облики критической психологии в англоговорящих странах. Предоставление подробного исследования появления критической психологии выходит за рамки данной работы, и само разнообразие подходов, накопившихся под этим названием в различных частях мира, препятствует такому синтезу (Dafermos, Marvakis & Trilivia, 2006). Достаточно сказать, что появление «критических» споров в дисциплине всегда было результатом настоящей политической борьбы вне ее, это происходит и когда критическая психология является эксплицитно политической (например, Тео, 1998), и когда она отражает политические дебаты в концептуальных или методологических диспутах (например, Rose, 1985). Точно так же, как психология является историческим феноменом (Parker, 2007a), таковой является и любая другая форма «критической психологии» (Тео, 2005), и в этом отношении марксизм тоже не исключение (Mandel, 1971).

В 1960-х и 1970-х годах под давлением студенческих волнений наблюдались попытки развить «радикальную психологию» (например, Brown, 1973), однако такая концептуальная борьба против редукционизма и эссенциализма в дисциплине не всегда была тесно связана с радикальной политикой. Жалобы «новой парадигмы» на механистические лабораторно-экспериментальные методы, сохранившиеся до наших дней в качественных исследованиях, необязательно были марксистскими, но действительно выражали критику позитивизма, не впадая в простой гуманизм¹. Такое направление работы, исследование отчетов по действию

¹ Слоган «для научных целей обращаться с людьми как с человеческими существами» (Hargé & Secord, 1972, P. 84) был концептуально привязан Ромом Харре к семиологическим подходам вне психологии и затем к реализму Роя Бхаскара (Bhaskar, 1978), одного из бывших студентов Харре.

и «дискурсу» (Henriques, Hollway, Urwin, Venn & Walkerdine, 1984; Jones, 2004) стало фоном для появления в англоговорящих странах широкого поля методов и теорий, теперь нередко группирующихся под названием «критическая психология». Именно там нашли место для выражения своих идей психологи-марксисты, зачастую являющиеся осажденным меньшинством в дисциплине, и существование критической психологии — важное для нас пространство дискутировать с коллегами, желающими размышлять о связи между индивидуальным и социальным и даже соединять свою работу с политической практикой. Однако, это новое течение имеет серьезные ограничения, и нам необходимо понять природу дисциплины и ее положение относительно других, если мы хотим уяснить, каковы проблемы и возможности развития.

«Критическая психология», на которой я сосредоточиваюсь в данной работе, — это направление, появившееся в северном полушарии (даже если у него есть представители на Юге) и располагающееся главным образом на Западе (даже если у него обнаруживаются некоторые приверженцы где-либо еще). Моя аргументация делится на четыре части, и некоторые точки отсчета могут показаться узкими и ограниченными критическим психологам из других культурных традиций¹. Коллеги из этих различных культурных контекстов быстро обнаружат, что не только потому, что политический контекст для радикальной работы настолько отличен от аналогичного в империалистических центрах, но и потому, что несмотря на попытки радикализировать «общинные» вмешательства во имя «критической» работы (например, Prilleltensky & Nelson, 2004), называемое «критической психологией» в англоговорящих странах уже начинает колонизацию и очистку того, что они делали².

Одно эксплицитно марксистское вмешательство в дисциплину в Германии привело к печальным последствиям. *Kritische Psychologie* была одной из попыток развить «предметную науку», используя советскую теорию деятельности (Tolman & Maiers, 1991). Проблема заключалась в том, что, выстраивая аргументы вокруг «объекта» пси-

¹ Показательными примерами являются немецкая традиция *Kritische Psychologie* по марксисту Клаусу Хольцкампу (Тео, 1998; Tolman & Maiers, 1991), латиноамериканская *psicología de la liberación u psicología crítica* по иезуитскому священнику Игнасио Мартин-Баро (Martin-Baró, 1994) и постапартеидная критическая психология в Южной Африке, связанная с работой Франца Фанона по темнокожему феноменологу Шабани Мангануи (Manganyi, 1973). Новая волна «критической психологии», берущая свое начало в Великобритании, сильно разочаровывает многих радикалов внутри и вне иных критических традиций работы, и в данной статье я намерен дать анализ критической психологии англоговорящих стран, связанной с духом более радикальных традиций.

² Южноафриканская критическая психология, к примеру, всегда искала связи с критическими психологами в Британии (например, Ноок, 2004), а на латиноамериканскую критическую психологию сильно повлияли институциональные связи с Барселоной, выступившей в качестве преемника постструктуралистских идей (например, Montero & Fernández Christlieb, 2003).

хологии и пытаюсь уточнить, каким должен быть этот объект, эта работа была втянута в гравитационное поле специфически буржуазного конструкта, даже несмотря на то, что одновременно она была направлена на его разрушение. В лучшем случае все это заканчивалось приближением к чему-то, больше напоминающему хорошую психологию, а не марксистскую практику, но по-прежнему слишком тесно идентифицирующемуся для немецких официальных образовательных кругов с марксистской политикой. Немецкая *Kritische Psychologie* распалась после смерти ее основателя (Holzkamp, 1992) и падения Берлинской стены. Подробная оценка этой конкретной традиции выходит за рамки данной статьи, хотя возникшая на ее основе работа о природе субъективности при неолиберализме предвосхищает аргументацию данной статьи (Papadopoulos, 2002, 2003).

Данная работа прослеживает, каким образом элементы марксизма, диаметрально противоположные, а в некоторых случаях диалектически противоположные обычной психологии, избегаются, неправильно представляются или систематически искажаются якобы критическими альтернативными подходами в рамках дисциплины¹. Такой анализ дисциплины и ее «критических» вариантов направлен на расчистку пути для революционной марксистской работы внутри и вне области психологии.

Почему существует критическая психология?

Во-первых, нам необходимо поставить на повестку дня вопрос, почему существует эта новая «критическая психология».

Вероятно, мы не поддадимся соблазну ответить на этот вопрос, сказав, что мы обязаны этим тяжелой работе нескольких ярких личностей, сделавших себе на этом имя. Если бы мы сосредоточились на этом аспекте, потребовался бы тщательный анализ индивидуализации академических карьер при капитализме; анализ того, как голоса, выражающие, очевидно, новые идеи, воплощаются в определенных местах так, что теории приписываются конкретным индивидам, и сами говорящие могут поверить, что они несут личную ответственность за эти теории.

Существует общая проблема, и не только в психологии, условностей ссылок, привлекающих внимание к работе конкретных индивидов (даже при перечислении нескольких авторов той или иной журнальной

¹ Несмотря на попытки привнести в критическую психологию психоаналитические идеи, радикальный потенциал психоанализа заключается в том, что это вовсе не психология, и действует он как «вытесненный Другой психологии» (Wigman, 1994, P. 104). Психоанализ адаптируют, психологизируют и рекуперировать, так что он больше не функционирует как альтернатива психологии. Вместо него представляются психологические схемы развития Эриксона и Хорни, как будто психоанализ всегда хотел быть новой психологией (Parker, 2004). Непсихологические традиции в психоанализе предлагали связи с марксизмом, но, как правило, на своих условиях (Parker, 2007b).

статьи, указывающем на то, что ответственность несет команда исследователей). Хотя эта проблема возникает в научной работе в целом, в случае психологии наблюдается любопытная рефлексивная петля, в рамках которой академическая форма работы (индивидуальное авторство и заключение о том, что идеи — это когнитивные достижения отдельных умов) повторяется в содержании производимого материала (в распространяющемся индивидуализме психологических теорий). «Голоса» критической психологии также чаще всего слушаются как индивидуальные голоса, а коллективная письменная работа рассматривается, скорее, как необычное исключение (например, Curt, 1994; Discourse Unit, 2000). Проблема теперь не решится простым побуждением производить работу более распределительным или «релятивистским» способом, так как мы увидим, что работа, приуменьшающая роль отдельной личности как таковой, уже востребована в различных секторах современного капитализма (Soldevilla, 1999). «Релятивизм», к примеру, сейчас является одним из новых либеральных терминов, заменяющих в психологии радикальный политический анализ (Sampson, 2001).

Вопрос о том, почему существует критическая психология, можно разрешить, взглянув на институциональные процессы, в которых формирование школ мысли движется императивом производить нечто новое. Институциональные позиции все больше регулируются сегментацией рынка и конкуренцией, так что, к примеру, университеты будут искать прибыли от своих инвестиций в рейтингах исследований или скорейшем финансировании. В случае «критической психологии» некоторые из более новых университетов Великобритании (те, которые до 1992 года были политехническими) быстрее отвергли традиционные идеи о составляющих психологии, дабы воспользоваться этой нишей рынка. Серия книг по «критической психологии», опубликованная издательством «Routledge», была одним из ранних проявлений такой попытки привлечь академическую аудиторию¹. В конце 1990-х годов были запущены две магистерские программы по критической психологии (в университете Западного Сиднея в Австралии и в институте Болтон в Великобритании), и хотя эти два курса потерпели неудачу, отчасти из-за отсутствия большого числа студентов, на которое рассчитывали² осуществлявшие их учебные заведения, критическая психология проникла во многие факультеты психологии в качестве новой специа-

¹ Первые три книги из серии «Routledge» были по социальной психологии (Parker, 1989) и феминистским исследованиям (Squire, 1989; Ussher, 1989). Позднее были представлены основные принципы немецкой *Kritische Psychologie* (Tolman, 1994) и особенный взгляд американской «социальной терапии» на Выготского (Newman & Holzman, 1993).

² В рамках этих курсов издавались два журнала, которые выжили: «Annual Review of Critical Psychology» и «International Journal of Critical Psychology».

лизации, появляясь в форме четких модулей курса и «введений»¹ к различным учебникам. Это вновь ставит перед марксистами в психологии очередную проблему, а никак не дает решение.

Однако, как ни парадоксально, но именно более широкий контекст для такой маркетизации и индивидуализации критической академической работы подробно показывает истинную сферу «психологии» сегодня и причину, почему критическая психология имела успех в своих попытках добиться серьезного отношения коллег из основной дисциплины. Современный неолиберализм, одобряемый и практикуемый социал-демократами, а также старыми приверженцами свободного рынка, желанием воспользоваться изменениями сближается с зарождающимся капитализмом XIX века. Все надежное улетучивается, когда капитал стирает все препятствия перед зарабатыванием ради прибыли, и последнее обновление старого капитализма требует субъектов, чувствующих себя в этой системе уютно, вне зависимости, работают ли они на фабриках или дома (Cammack, 2003).

То, как специфические элементы «критической психологии» включены в условия идеологических требований современного капитализма, показано в табл. 1 (см. с. 35.). Явно обособленная сфера индивидуальной идентичности теперь является препятствием для появляющихся изменчивых форм субъективности. Субъекты неолиберализма должны быть готовы к участию в качестве держателей совместного дела, условиями чего будет необходимая степень замещаемости и присвоения прав принимаемым. Они должны проявить гибкость, дабы соответствовать разнообразным видам доступной им работы, а также терпимость к ряду других субъектов, работающих вместе с ними. В своем участии в качестве производителей и потребителей они в идеале должны быть способны к относительности не только в том, что они думают о других, но и в том, что они думают о себе (Anderson, 2000).

Вот ключевые элементы зачастую имплицитной, иногда эксплицитной врожденной теории Я, в вариантах которой работает критическая психология. Например, нам сказали, что мы должны отбросить свою зацикленность на когнитивном или интенциональном размышлении в пользу внимания к «делу», которым занимаются высказывающиеся (например, Edwards & Potter, 1993), что квазисистемный вид Я в обществе покончит с разделением индивидуального и социального (например, Gergen, 1991), что высказывание по очереди — единственное подходящее условие, при котором права на высказывание формулируются и используются (например, Antaki, 1994), что мы должны прекратить твердить о «проблемах» и перестроить свою жизнь более

¹ Фокс и Приллетенски (Fox, Prilleltensky, 1997) сосредоточивались на различных аспектах психологии. Позднее тексты фокусировались на социальной психологии: например, Гоф и МакФадден (Gough, McFadden 2001), Хепбёрн (Hepburn, 2003).

позитивным образом (например, Gergen, 1998), и что мы должны отзываться на разнообразные богатые по содержанию мнения, основанные на здравом смысле (например, Billig, 1996).

Однако современный капитализм требует больше, нежели просто оставить старые модели индивидуального. Подобно резкой трансформации в моральной текстуре неолиберальной субъективности, более позитивное значение приписывается теперь способности балансировать между точками зрения и сдерживать их, не склоняясь, в конце концов, ни к одной из них. Требуется определенная форма рефлексивности, которая позволит субъектам принять на себя обязательства по своей позиции, не используя свою точку зрения как абсолютный моральный стандарт для того, чтобы судить других, и существует соответствующее ожидание, что и они все же не будут твердо придерживаться этого стандарта; еще лучше, если будет некоторая степень циничной дистанцированности и способность обсуждать различные точки зрения (Weltman, 2004). **Требующийся при этом новый морализаторский тон** теперь берет свое начало в варианте либерального мультикультурализма, содержащего уважение к другим в обмен на согласие, что каждая группа будет удерживаться от критики практики другой группы (Mitter, 1994).

Было бы удивительно, если бы эти моральные требования не отозвались в различных секторах академической жизни, а «критическая психология» оказалась бы единственным местом, где эти требования были бы подхвачены и преподнесены нам как новые достоинства. Думается, что здесь подходящая этическая установка, которую необходимо принять в отношении исследования, должна быть нацелена на вопрос неразрешимости (например, Herburn, 2003), на разработку некоего рефлексивного вовлечения Я в эту неспособность занять позицию (например, Ashmore, 1989) и насладиться иронией как таковой (например, Curt, 1994). Различные возможные позиции, которые осторожно поддразниваются, чтобы было легче держать их на расстоянии вытянутой руки, рассматриваются как коллекции языковых игр, а моральное отношение, принимаемое по умолчанию, убирает любое принижение какой-либо из них (например, Gergen, 1994). Таким образом, место моральной оценки занимает форма «вербальной гигиены», убирающей оценочные термины (Cameron, 1995).

Однако даже этого недостаточно, если дисциплина психологии действительно собирается играть в игры современного капитализма, так как индивидуальным субъектам выдвигаются более эксплицитные политические требования, дабы те смогли переработать себя в определенных рамках. Эти политические императивы диктуются глобализацией, экспансией практик из центра на периферию, а также инкорпорированием полезных местных практик при условии, что они не бросают вызов самому процессу глобализации. Тогда открытость к из-

менениям идет бок о бок с готовностью принимать переосмысление Я в таких явлениях, как «заявления о миссии» и любых подозрениях, что нечто будет стоять на пути такого переписывания корпоративной идентичности. Таким образом, полная релятивизация политических индивидуальностей открывает путь применению изменений, не стесняемых теперь прошлым, чувством, что история теперь неважна, или что это лишь место подозрительных споров о сути дела (Edwards, Ashmore & Potter, 1995).

Вновь некоторые из претендующих на титул «критическая психология» принимают такую политическую логику на пути к настоящей антиполитике, в которой проблема того, что делать с найденным при переписывании мира, решается рекламированием описательной незавершенности как самоцели (например, Potter, 1996). Таким образом, технический аппарат формального переписывания, не имея содержания, является идеальным проводником глобализации, так как может быть экспортирован и применен где угодно без привязки к каким-либо сложным политическим вопросам (например, Edwards & Potter, 1992). Все, что требуется — это открытость к переписыванию реальности. В некоторых случаях это означает, что необходимо строгое определение границ, порой принимающих форму намеренного текстуального эмпиризма, в котором присутствует убежденность — на самом деле вне изучаемых текстов нет ничего ценного (например, Potter, 1997). Один ведущий лейтмотив такого тщательно повторяемого подозрения политики — «деконструкция», которая становится четкой позицией, все лучше позволяющей своим приверженцам извращать оппозиционные концепты, дабы гарантировать полный отказ от исторической запечатленности их прочтения (например, Hepburn, 1999).

К их чести, предполагаю, не все защитники этих идей называют себя «критическими психологами». В то же самое время те, кто с готовностью отстаивает их, являются «критиками» психологов, в том смысле, что старая психология сейчас больше не является настолько функциональной для капитализма, как была раньше, и она нуждается в довольно радикальном переструктурировании, чтобы выжить. Редукция объяснения до уровня буржуазного индивида в обычной психологии больше не приносит благо, и «критическая психология» имеет претензии к старым подходам. Возможно, из-за того, что явно существуют новые техники, которые можно применить, психология стерпит образование новой «критической» субдисциплины внутри нее. Но можно быть уверенным — дисциплина потребует чего-то взамен.

Что такое институциональная рекуперация?

Следующее, к чему я хочу обратиться, вторая часть моей аргументации — требование чего-то взамен. Опрометчивое близкое соответствие

требований современного капитализма и некоторых излюбленных приемов критической психологии узаконивает, воспроизводит и укрепляет существующие практики капиталистического производства и потребления. Неoliberalизм не может праздновать победу без самих идеологических практик, обеспечивающих его поддержку теми, кто служит в его институтах. Сюда нам необходимо включить академические институты, так как именно на уровне институциональных процессов мы сталкиваемся с настоящей проблемой, проблемой рекуперации.

Идеологическая рекуперация — это процесс, в ходе которого радикальные идеи подвергаются нейтрализации и поглощению; они становятся частью аппарата, которому пытались бросить вызов (Debord, 1977). Характерной чертой капитализма является его жажда вызовов так, чтобы он мог наилучшим образом найти новые источники инноваций и новых рынков (Went, 2000). Однако, наблюдается степень институциональной рекуперации, необходимой для нейтрализации и поглощения нового персонала, который, возможно, захочет потрясти академические основания, нарушить границы между академической и профессиональной психологией и нарушить разделение между психологами и подвергающимися психологическим практикам. Существуют группы и активисты, угрожающие такой рекуперации: к примеру, целью радикальной группировки «Psychology Politics Resistance [Психологическое сопротивление политике]» (PPR) с 1994 года было построить неравнодушные новые альянсы между учеными, профессионалами и пользователями услуг (Reicher & Parker, 1993). PPR была образована в 1994 году как группа психологов-ученых и психологов-практиков, работающих с теми, кто пользовался услугами психологов (Parker, 1994). Это место для идентификации и сопротивления институциональной рекуперации с уроками для критической психологии.

Серьезные дебаты развернулись в «Asylum», журнале демократической психиатрии, включившем новостное письмо «Psychology Politics Resistance»¹. «Asylum» был основан в 1986 году, после событий в Триесте, где была закрыта больница для душевнобольных Сан-Джованни после мобилизации массового движения «Psichiatria Democratica», включавшего секции крайне левых и некоторых членов коммунистической партии (Ramon & Giannichedda, 1989). Были связи между коллективом «Asylum» и представителями кампаний по защите ищущих убежища, расширяющих коллектив и связывающих его более прямо с радикальной историей в борьбе в Триесте (McLaughlin, 2003).

Новые движения психического здоровья необязательно служат марксистской альтернативой психологии, и они необязательно радикальнее так называемых «постструктуралистских» теорий, которых теперь много в академической «критической психологии», хотя неко-

¹ См. <http://www.asylumonline.net>.

торые из этих подходов тактично мобилизуют «деконструкцию» для большего представления радикальных идей (Parker, Georgaca, Harper, McLaughlin & Stowell-Smith, 1995). Как понятия, группирующиеся вокруг «критической психологии», они действуют для выявления и бросания вызова сговору психологии с государством точно до такой степени, до какой они соединяются с другими социальными движениями. Эти радикальные движения психического здоровья зачастую формировались и возглавлялись психиатрами, и движения были наиболее радикальными, когда выходили за рамки психиатрии, например, в случае «Psichiatria Democratica» под руководством Франко Базаляя (1981), в альянсе с крайне левыми на севере Италии.

Важнейшие дебаты в «Asylum» развернулись по поводу того, вовлекать ли в обсуждение правительство из-за внедрения нового законопроекта о психическом здоровье (Kinderman & May, 2003). Законопроект о психическом здоровье включал исполнение указа по лечению в местных учреждениях для обеспечения того, чтобы психиатрическое медикаментозное лечение амбулаторных пациентов осуществлялось назначенными «клиническими супервизорами». Даже Британское психологическое общество (БПО) выступило против вариантов законопроекта о психическом здоровье, однако в журнале БПО появилась статья, в которой один из психологов из дебатов «Asylum» отстаивал свое решение «сотрудничать» с правительством по исполнению законопроекта. Эта статья, озаглавленная «Как завоевать друзей и влиять на политиков» (Kinderman, 2003), дала начало горячим дебатам в «Asylum», поскольку эта стратегия «сотрудничества» с правительством ослабляла альянс оппозиции, до сих пор мобилизовавший широкий ряд организаций в публичных демонстрациях против законопроекта.

Здесь таится соблазн, поскольку, если стратегия сотрудничества заработала бы, произошел бы сдвиг баланса власти между психиатрией и психологией. Назначаемые «клинические супервизоры» могли бы быть психологами, которые, как думают некоторые, обязаны быть более хорошими людьми. Однако мысль о том, что более хорошие люди могут повлиять на стоящих у власти и улучшить худшие аспекты в законопроекте о психическом здоровье, также является гарантом для институциональной рекуперации оппозиции; это имеет пагубные последствия, далеко уходящие за «сотрудничество» индивида, написавшего статью в пользу такой стратегии в журнале БПО. Фактически именно редукция до деятельности индивидов выступает частью проблемы, которая как осложняет, так и психологизирует ситуацию, говорим ли мы об опасных психотиках, угрожающих широкой общественности, если они не будут принимать лекарства, или о тех, кто будет давать им эти лекарства, или же о тех, кто выбирает сотрудничество с правительством.

Более того, поскольку в клинической психологии имеет смысл назначение, дебаты в «Asylum» в настоящее время ведутся между

«критическими психологами». Один из них, теперь сотрудничающий с правительством от имени БПО, публично призвал к запрету таких мер, как электрошок и психохирургия, другой же, противостоя этому сотрудничеству, сам прошел через систему психического здоровья, ухитрившись держать свою историю в секрете так долго, что успел пройти обучение клинической психологии (May, 2000). Здесь решающим является то, что мы не делаем жесткого разграничения между плохим предателем-оппортунистом и хорошим последовательным борцом. Вопрос здесь заключается в том, как решение участвовать в государственном аппарате ослабляет и демобилизует коллективный протест. Именно коллективный протест и дебаты нужно держать в открытом пространстве, а пространство должно быть в «критической психологии». Особая совокупность концептов до сих пор «формальна» и ограничена, а практика современных вызовов психиатрии и клинической психологии должна выражаться марксистскими практиками для продвижения за заостреннейшие категории «психолога», «пациента» или «пользующегося услугами».

Сейчас я напрямую обращаюсь к процессам институциональной рекуперации, которые нам необходимо замечать и с которыми нужно бороться, если мы хотим остаться в психологии «критичными». Забота о рекуперации, нередко занимающая революционных марксистов, особенно когда анализ идеологии связан с более анархистскими «ситуационными» политическими тенденциями, даже ближе к левому марксизму (как в концепте, предложенном Дебордом (Debord, 1977)), имеет тенденцию представлять все институты в отрицательном свете. Однако такой начальный отрицательный пункт необходим, если нужно какое-либо диалектическое понимание отношений между политической борьбой и тем, как эта борьба отражается в академических дебатах. В каждом случае понятно, что индивиды принимают решение «сотрудничать» с правящими кругами академических знаний, однако критическая психология не будет иметь никакого значения, если не будет местом для нахождения альтернативных форм коллективной практики. Существуют как минимум три проблемы, которые необходимо рассмотреть тем, кто делает в психологии критическую работу.

Во-первых, статьи в журналах по психологии следуют модели цитирования, которая загадочным образом с завидной частотой воспроизводит определенные имена, а это зачастую имена редакторов и обозревателей журнала (Peters & Ceci, 1982). Предложения книг для издателей следуют той же тенденции, хотя если автор хорошо известен, они могут иметь широкую сеть друзей и предложить им сочувствующих обозревателей. Например, психологи, занимающиеся критической работой за пределами Британии, изменяют выбор цитирования, подавая свои статьи для публикации в журналах; так как в Британии больше точек для «критической» работы, известных своим

сочувствием, выбор, на кого ссылаться, — часто намеренное тактическое решение. Это следует институциональной модели, хорошо описанной где-то в критических исследованиях воспроизведения ортодоксии в психологии (Lubek, 1976, 1980).

Во-вторых, наблюдается хороший импульс для формулировки стандартов критической работы, критериев, которые убедят все большее количество коллег из обычной психологии: то, что мы делаем, можно считать хорошими исследованиями. Сидящие на кафедрах традиционной психологии знают, что единственный способ защитить свою работу и работу своих студентов — это обратиться к вариантам критериев, которых уже твердо придерживаются психологи, однако недавно было много попыток выстроить основные директивы для определения, хороша или плоха работа. Эти дебаты по поводу критериев зачастую отражаются в войне между сторонниками количественных методологий: экспериментально-лабораторные позитивистские исследования в обычной психологии иллюстрируют эту сторону дебатов и качественных подходов, в рамках которых часто предполагается, что исследователи вероятнее всего будут «критичными» (Willig, 2001). Конечно же, каждый набор критериев намеренно призван служить гарантом определенного понимания, что считать критичным, а в психологии это включает в себя четкое представление о том, какой должна быть сфера психологического (Morgan, 1996).

В-третьих, существует модель набора, гарантирующая, что определенные голоса будут услышаны на кафедрах, семинарах и конференциях, высказываясь по определенным идеям определенным образом. Это может включать в себя все, начиная от группы единомышленников из других мест, которые подтвердят, что тот или иной подход принимается повсеместно, до организации отдельным специалистом встреч в формате беседы, обычно на английском, за которой следует дискуссия. Вновь возникает всеобщая проблема в британской академической работе, хотя некоторые критические группировки (в этом отношении особенно отличилась «Beryl Curt») за последние десять лет явным образом занимались этим аспектом академического производства в психологии и пытались делать нечто другое при помощи независимых новостных писем и поддержки публикаций испаноговорящих критических психологов (Curt, 1994, 1999)¹.

¹ Признаюсь, я не знаю, как можно отвергать эти практики или как можно развить им альтернативу. Сам я принимаю решения, согласующиеся с описанными мною процессами: иногда я предоставляю в журналы статьи с обманчивым цитированием так, чтобы это польстило редакторам и рецензентам, а обозреватели, возможно, не поняли, кто автор; я исследую научную работу и даю оценку, которая будет принята моими коллегами, и иногда работа не получается; я говорю слишком много, когда мне предоставляется возможность благодаря моему институциональному посту, и считаю, что это хорошо, так как, по крайней мере, я говорю нечто радикальное, а когда я организовываю встречу, я рад дать кому-то другому возможность говорить, если думаю, что они тоже скажут нечто радикальное, конечно, в том смысле, как я понимаю этот термин.

Феминистские взгляды внутри и рядом с критической психологией привлекли внимание к этому «персонально-политическому» аспекту воспроизведения силовых отношений в различных формах дискурса (Wilkinson & Kitzinger, 1995)¹ и во взаимодействии в академических институтах, и нельзя сказать, что рекуперация этих взглядов в появлении карьерно-ориентированных «фемократов» в высшем образовании не является проблемой для критической работы (Burman, 1990; Walkerdine, 1990). Единственным моим утешением остается мысль, что действительно перформативным противоречием станет, если индивид сможет в одиночку выразить то, как все это можно решить. Это вопрос коллективного обдумывания и деятельности вокруг того, что хотят от нас институты, в которых мы работаем, взамен на позволение на работу в «критической» психологии.

Если бы все было так беспросветно и печально, не стоило бы даже вновь поднимать эти аргументы. Но все не так плохо, как кажется, исходя из предшествующего рассказа, и то же касается природы капитализма. Итак, я хочу подробнее рассмотреть то, почему в присутствии силы такого рода существует и сопротивление. Это приводит нас к третьей части аргументации.

Почему существует сопротивление?

Многие из причисляемых к критической психологии на самом деле не верят всем сердцем в неолиберальные понятия, описанные мною как пронизывающие критическую психологию, а некоторые из них имеют радикальные политические намерения (например, Billig, 1978). Даже когда проводящие «дискурсивное» исследование должны облекать мысли в приемлемые формы для руководителей, организаторов конференций и редакторов журналов, зачастую ясно, что они уже на каком-то уровне знают, что пределы конкретного «вопроса исследования» предоставляют некоторую безопасность, что удерживает их работу в академических рамках (например, Weltman, 2004). Никто из нас не сможет быть достаточно критичным, если мы будем серьезно воспринимать экономико-политический контекст работы в психологии. Однако критическая психология может быть пространством для возврата назад, рефлексии по поводу того, насколько мы сдерживаемы в рамках, и для размышления прежде всего о причинах отказа от обычной психологии (Sloan, 2000).

Было бы так легко, гораздо легче, если бы обычная психология сегодня не следовала довольно смешным культурно специфическим реп-

¹ Обычный временной промежуток между политическими дебатами вне дисциплины и их повторным появлением внутри нее виден в следующем: социалистические феминисты спорили о личном и политическом в 1970-х годах (Rowbotham, Segal & Wainwright, 1979).

резентациям человека, которые мы до сих пор находим в большинстве американских учебников. Однако пока психологи из основного направления могут от случая к случаю прибегать к старым фактам, функциональным для капитализма 50 лет назад, они зачастую способны дополнять эту старую психологию некоторыми более точными герменевтическими или социально-конструктивными аргументами (например, Greenwood, 1994). Существует риск того, что «критические психологи» найдут это ободряющим, поскольку, кажется, они учатся этой новой релятивистской риторике, и в таком случае их застигнут врасплох.

По этой причине к тому же стоит вспомнить, почему критические психологи не пожелали «купиться» на составляющие старой «модели» психологического индивида. Вопрос сейчас в том, как отказаться от старой модели, не поддаваясь привлекательности новой улучшенной версии. Приукрашивания старомодной психологии служат лишь для того, чтобы улучшить ее работу, и даже старой психологии требуется некоторая степень ухищрений, неверного представления и систематического искажения нашей жизни. Говоря «нашей жизни», я подразумеваю замысловатую сеть обязанностей, которые мы исполняем по отношению друг к другу, и то, как эти обязательства саботируются и ущемляются, когда мы продаем наше время какому-нибудь институту, желающему получить прибыль от нашего труда и лгущему нам о том, какой огромный вклад мы делаем для человечества (Drury, 2003). Я кратко изложу эту обычную психологию, которую многие из нас отвергают по причинам, зачастую определяемым нами как действующие в дисциплине, чтобы это отвержение имело какой-нибудь смысл.

Самодостаточный предмет психологии — это жалкий урезанный элемент того, что мы являем собой как совокупность социальных отношений, и добавление «социально-психологического» измерения еще больше усугубляет это оскорбление (например, Hewstone, Stroebe, Codol & Stephenson, 1988). Семья, частная собственность и государство как материальные структуры, определяющие, каким образом мы будем функционировать в качестве конкретной совокупности социальных отношений, не являются сферой интересов «социальной психологии» (Adorno, 1967). Более того, утилитарная прозрачность, вызванная психологическими описаниями отношений, затемняет, каким образом с нас взимается прибавочная стоимость, и каким образом мы, научные работники, накапливаем культурный капитал в тот самый момент, когда, кажется, просто творим добро для мира (Bourdieu & Passeron, 1977). А лечить больных и страдающих от стресса, игнорируя всепроникающее отчуждение и эксплуатацию, структурирующие работу и досуг, — значит совершать то же самое обвинение жертв, встречающееся, когда мишенью без оглядки на распространяющуюся

идеологическую мистификацию становятся наши ложные убеждения (Parker et al., 1995).

Сталкиваясь с этими условиями жизни, невозможно ожидать ни от кого другого, кроме психолога, веры в то, что мы сможем нейтрально исследовать свою жизнь, рационально оценивая все феномены, и считать, что наша работа просветит каждого индивида по отдельности (например, Ingleby, 1972). Мысль о том, что исследователь должен просто накапливать научные знания и позволять людям наилучшим образом адаптироваться к миру, продвигается надеждой на ослабление стресса, но она настолько ограничена самими условиями, что приводит к тошноте, и порой это больше, нежели просто плохая игра слов. Против этого мы можем применить лишь четкое отношение к тому, что мы изучаем, и привести собственную рефлексивную позицию в исследовании к стабильности; таким образом, исследование видится как производство различных пониманий, выходящих за уровень каждого отдельного индивида. Затем мы начинаем спрашивать, как научные знания различного рода действуют в разных институциональных пространствах, а это выводит нас за пределы адаптации к вопросу социальной трансформации (Walkerdine, 2002).

Вопрос о мире, которым традиционно задавалась психология, — почему все остается как прежде, как будто входящими в данную дисциплину предпринимается какая-то злонамеренная попытка избежать процессов изменения. В то же самое время открыты многие возможности измениться самим; это возможно при условии, что мы остаемся в четко обозначенных рамках дисциплины и пока не подвергаем сомнению относительно твердые структуры, устанавливающие параметры для области психологического. В ходе обучения психологам говорят, что пока они придерживаются того, что могут непосредственно наблюдать, и остаются верными эмпирическому восприятию мира, они могут быть довольны; простого добавления «теории» недостаточно для преодоления этого, если только мы не будем сочетать это с практикой¹. Это означает, что нам необходимо обратиться от базового накопления знаний к тому, как изменяются знания в зависимости от социальных отношений. Изучая различные программы, предлагаемые психологией, мы обнаруживаем, что они, кажется, всегда подтверждают утверждения о том, каков мир сейчас. Последнее, в чем мы нуждаемся, — оставить разработку программ экспертам. Этому существует альтернатива. Префигуративная политика — это такие политические действия, которые превосхищают в самом своем процессе социальные условия, которые лучше тех, в которых мы живем теперь. Феми-

¹ Возможно, именно поэтому журнал «Theory & Psychology» стал одним из мест критической работы. Он одновременно озвучивает критическую теорию в психологии и содержит теорию, отделяя ее от политической практики.

нистская аргументация внутри левого блока вновь подтвердила эту важнейшую предпосылку для революционного изменения, а то, каким образом структурировано изменение, определит форму, которая из него появится (Rowbotham et al., 1979).

На самом деле, несмотря на все, что я утверждал выше о некоторых понятиях из критической психологии, которая полностью сочетается с современным капитализмом, настоящая загвоздка в том, как эти понятия функционируют в отношении друг друга, и как они группируются вместе как отдельный «новый» подход в психологии, а не в том, что они заявляют о человеческих взаимоотношениях. Ни одно из этих понятий — о дискурсивных субъектах и ставках в спорах о системной и общей идентичности, о высказывании по очереди, о перестройке и роли здравого смысла — не является формально неверным (например, Middleton & Edwards, 1991). **Причина их популярности именно в том, что они обращаются к желанию критики идеологии (например, Wetherell & Potter, 1992) и к тому, что пойдет дальше капитализма,** а внимание к этим желаниям, сочетающееся с политической практикой, как раз и является предметом префигуративной политики. Различные аспекты этического отношения, которые можно применять в отношении исследования, — неразрешимость, рефлексивность, ирония, внимание к языку и к тому, каковы последствия артикулируемых репрезентаций нас самих, — в определенном смысле незаменимы, если мы хотим думать дальше и больше, чем дано нам сейчас (например, Billig, Condor, Gane, Middleton & Radley, 1988).

Принимаемая нами позиция должна вести нас дальше этого гибельного экономического порядка. Описательная незавершенность, перестройка самих себя, погруженность в тексты собственного сочинения, деконструкция и некоторое отпускание прошлого, преследовавшего нас, — вот позитивные утопические возможности; это способ представить будущее без привязки к очертаниям настоящего (Holzman & Morss, 2000). **Дело, конечно же, в том, что мы пока еще не в этой обители блаженства, а если нам кажется, что это так, то мы забыли некоторые довольно серьезные исторические уроки о роли практики в переговорах о противоречивой реальности глобального капитализма.** Возможно поэтому «критические» взгляды, которым удалось заявить о себе в американской психологии, явно связаны с прагматизмом, в рамках которого они функционируют в психологии, как зеркало Рорти (например, Gergen, 1999).

Капитализм ставит под сомнение все твердые факты, которые мы знали о старой психологии, и противоречивый, быстро изменяющийся мир современного неолиберализма быстро поставит под сомнение любую новую психологию, которую мы развиваем. Именно сам капитализм обеспечивает выполнение правила: где есть сильная власть, там есть и сопротивление, но этот процесс всегда вызывает вопрос

о том, будет ли сопротивление бросать вызов капитализму или же будет использоваться им (Birgman et al., 1996). Критической психологии необходимо предоставлять ресурсы для обращения к трансформации психологии, не застревая ни в какой конкретной модели, этосе или мировоззрении.

Что такое политическая экономия психологии?

Четвертая часть аргументации включает в себя некоторые предложения о том, что нам необходимо не только для рассмотрения психологии, но и самих оснований психологии. Такое обсуждение концептов, которые мы используем, и того, как они действуют, весьма актуально для нашего дела, потому что капитализм имеет идеологическую структуру; нет четкого разделения между экономической основой и идеями, витающими вокруг нее. Некоторые понятия идентичности, моральной ориентации и политики — необходимые компоненты материального функционирования капитализма (Richards, 1996). Этот аргумент схематически отражен в табл. 1 (см. с. 35.), и там можно проследить, как «критический» подход к обычной психологии подводит дисциплину ближе к требованиям современного капитализма. Задача теперь в том, чтобы уйти от природы современного неолиберального капитализма к развитию форм анализа, позиции исследователя и изменениям, которые осуществляют обещание соединить критическую работу с антикапитализмом.

Истинная антикапиталистическая «критическая психология» включает в себя четыре взаимосвязанных элемента, и эти элементы критической психологии могут применяться для того, чтобы ответить на более глубокий, даже еще более срочный вопрос, нежели то, почему существует критическая психология. Самая важная аналитическая задача, с которой сталкиваются критические психологи, желающие пойти дальше исторически ограниченных рамок неолиберализма, задача, касающаяся принятия позиции в отношении того, что мы анализируем, позиции, обязательно требующей от нас изменить анализируемое нами в самом процессе понимания и объяснения, — это вопрос, почему существует психология (Canguilhem, 1980)? Почему существует психология, как сфера абстрактной интеллектуальной деятельности, которая представляется каждому из нас в отдельности, как будто бы она может изучаться в этих конкретных дисциплинарных рамках, и которая откроет нам причины человеческих действий? Эти четыре элемента критического анализа, возможно, могут приблизить нас к марксистскому подходу к этому объекту исследования (Parker, 1999, 2002).

Во-первых, это более близкий анализ того, как доминирующие форма психологии действуют идеологически и стоят на службе влас-

ти. Такой анализ должен быть сосредоточен не только на психологических «моделях», но и на используемых методологиях (Parker, 2005). Именно здесь мы подходим к сути вопроса: абстрагирование индивидуального субъекта от социальных отношений и абстрагирование исследователя. Психология заново представляет нам элементы нашей второй природы при капитализме, которую психологи считают истинной причиной нашей деятельности. Такой анализ приведет нас к политэкономии в психологии, которая сама по себе действует в широкой циркуляции товаров капитализма (Newman & Holzman, 1993).

Во-вторых, это изучение того, как альтернативные психологии складываются исторически, так что подтверждают идеологические репрезентации отношений или опровергают их. Это напоминает нам, что любая используемая нами структура обусловлена императивом капитализма на открытие новых рынков, а идеологическая текстура такого постоянно видоизменяющегося капитализма состоит из различных противоположных отражений того, как товары производятся и потребляются (Gordo López & Parker, 1999). Как мы увидели в случае с неолиберализмом, изучение альтернативных психологий должно включать в себя изучение политических и экономических условий, вызывающих их (Gordo López & Cleminson, 2004).

В-третьих, это изучение того, как психологические понятия действуют в повседневной жизни, производя современную психологическую культуру. Наряду с историческим теоретическим анализом психологии как дисциплины, необходим подробный культурный анализ того, как мы воспроизводим капиталистические социальные отношения, как если бы они были психическими процессами, и попытка соединения с этими процессами дает основу для разнообразных видов ложного популярного психологического сознания (Gordo López, 2000). Эти новые формы необходимого ложного сознания постоянно уплотняются и производят определенные условия «психической» жизни (Sohn-Rethel, 1978).

В-четвертых, это поиск и использование того, как повседневные практики могут формировать основу для сопротивления психологии (McLaughlin, 1996). Абстрактность и циркуляция товаров позволяют включать их в умственную работу, но они сами по себе не дают нам прямого доступа ни к чему, и поэтому эмпиризм является идеологически тупиковым направлением. Всегда необходима коллективная практика, формирующая основу сопротивления, и некоторая теоретическая работа для того, чтобы сделать сопротивление очевидным и эффективным в качестве части коллективных революционных проектов (Melancholic Troglodytes, 2003).

Заключение

В современном неолиберальном капитализме уже существует пространство для «критической психологии» как субдисциплины, и есть некоторая степень институциональной рекуперации, требующей подчинения академическим институтам. Тем не менее, сами условия для возможности всего этого представляют потенциальную угрозу для существования, и это ставит нас перед выбором: нам снова и снова необходимо спорить, чтобы реализовать этот потенциал. Критическая психология может сама стать очередным товаром на рынке академических услуг или же сделать эти условия объектом собственного исследования, так что будет анализировать их с позиции, которая также будет их изменять. Элементы анализа — человек как совокупность социальных отношений, материальность семьи, частной собственности и государства, прибавочная стоимость и культурный капитал, отчуждение, эксплуатация и идеологическая мистификация — в таком случае будут сравниваться со стандартными дисциплинарными понятиями психологического субъекта, общества, утилитарной прозрачности, нездорового опыта и ложных убеждений. Подробное изложение позиции исследователя в марксизме — точка зрения, рефлексивное положение, классовое сознание, институциональное пространство и социальная революция — будут представлены на фоне понятий нейтральности, рационализма, индивидуального просвещения, научного знания, адаптации и улучшения. Изменение в марксизме как постоянное изменение, занятие с относительно устойчивыми структурами, теоретической практикой, материалистической диалектикой и префигуративной политикой может быть противопоставлено стандартным процедурам ратификации, прагматизма, эмпиризма, позитивизма и разработки планов. «Критическим психологам» необходимо иметь доступ к процессу рекуперации и бросать ему вызов: рекуперации, которая столь эффективна, что остается лишь один теоретический ресурс — революционный марксизм — способный заняться этой проблемой и вновь подтвердить довольно радикальную позицию к академическому, профессиональному и культурному аспекту дисциплины.

Библиография

1. *Adorno, T.* Sociology and psychology I. // *New Left Review*. — 1967. — Vol. 46. — P. 67—80.
2. *Anderson, P.* Renewals. // *New Left Review* II. — 2000. — Vol. 1. — P. 5—24.
3. *Antaki, C.* Explaining and arguing: The social organization of accounts. — London: Sage, 1994.
4. *Ashmore, M.* The reflexive thesis: Wrioting sociology of scientific knowledge. — Chicago: University of Chicago Press, 1989.

5. *Basaglia, F.* Breaking the circuit of control.// D. Ingleby (Ed.) Critical psychiatry: The politics of mental health. — Harmondsworth, UK: Penguin, 1981. P. 121—137.
6. *Bensaïd, D.* Marx for our times: Adventures and misadventures of a critique. — London: Verso, 2002.
7. *Bhaskar, R.* A realist theory of science (2nd ed.). — Hassocks, UK: Harvester, 1978.
8. *Billig, M.* Fascists: A social psychological view of the National Front. — London: Academic Press, 1978.
9. *Billig, M.* Arguing and thinking: A rhetorical approach to social psychology (2nd ed.). — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996.
10. *Billig, M., Condor, S., Gane, M., Middleton, D., Radley, A.* Ideological dilemmas: A social psychology of everyday thinking. — London: Sage, 1988.
11. *Bourdieu, P., Passeron, J.-C.* Reproduction in education, society and culture (R. Nice, Trans.). — London: Sage, 1977.
12. *Brown, P.* (Ed.) Radical psychology. — New York: Harper & Row, 1973.
13. *Burman, E.* (Ed.) Feminists and psychological practice. — London: Sage, 1990.
14. *Burman, E.* Deconstructing developmental psychology. — London: Routledge, 1994.
15. *Burman, E., Aitken, G., Alldred, P., Allwood, R., Billington, T., Goldberg, B.* et al. Psychology discourse practice: From regulation to resistance. — London: Taylor & Francis, 1996.
16. *Cameron, D.* Verbal hygiene. — London: Routledge, 1995.
17. *Cammack, P.* The governance of global capitalism: A new materialist perspective.// Historical Materialism. — 2003. — Vol. 11(2). — P. 37—59.
18. *Canguilhem, G.* What is psychology?// I & C. 1980. — Vol. 7. — P. 37—50.
19. *Curt, B.* Textuality and tectonics: Troubling social and psychological science. — Buckingham, UK: Open University Press, 1994.
20. *Curt, B.* Rex Stainton Rogers, 1942—1999: A celebration of his contribution to critical psychology.// Annual Review of Critical Psychology. — 1999. — Vol. 1. — P. 150—154.
21. *Dafermos, M., Marvakis, A., Triliva, S.* (Eds.) Critical psychology in a changing world: Contributions from different geo-political regions (2006).// Annual Review of Critical Psychology, 5. Retrieved 23 December 2007 [Special Issue]. — from: www.discourseunit.com/arcp/5.html.
22. *Debord, G.* Society of the spectacle. — Detroit, MI: Black & Red, 1977.
23. Discourse Unit. Critically speaking: «Is it critical?»// T. Sloan (Ed.) Critical psychology: Voices for change. — London: Macmillan, 2000. — P. 147—158.
24. *Drury, J.* What critical psychology can('t) do for the 'anti-capitalist movement.// Annual Review of Critical Psychology. — 2003. — Vol. 3. — P. 88—113.
25. *Edwards, D., Ashmore, M., Potter, J.* Death and furniture: The rhetoric, politics, and theology of bottom-line arguments against relativism.// History of the Human Sciences. — 1995. — Vol. 8(2). — P. 25—29.

26. *Edwards, D., Potter, J.* Discursive psychology. — London: Sage, 1992.
27. *Edwards, D., Potter, J.* Language and causation: A discursive action model of description and attribution. // *Psychological Review*. — 1993. — Vol. 100(1). — P. 23—41.
28. *Fox, D., Prilleltensky, I.* (Eds.) *Critical psychology: An introduction*. — London: Sage, 1997.
29. *Gergen, K.J.* *The saturated self: Dilemmas of identity in contemporary life*. — New York: Basic Books, 1991.
30. *Gergen, K.J.* *Realities and relationships: Soundings in social construction*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
31. *Gergen, K.J.* Constructionism and realism: How are we to go on? // I. Parker (Ed.) *Social constructionism, discourse and realism*. — London: Sage, 1998. — P. 147—155.
32. *Gergen, K.J.* *An invitation to social construction*. — London: Sage, 1999.
33. *Gordo López, Á.J.* On the psychologization of critical psychology. // *Annual Review of Critical Psychology*. — 2000. — Vol. 2. — P. 55—71.
34. *Gordo López, Á.J., Cleminson, R.* *Techno-sexual landscapes: Changing relations between technology and sexuality*. — London: Free Association Books, 2004.
35. *Gordo López, Á.J., Parker, I.* (Eds.) *Cyberpsychology*. — London: Palgrave, 1999.
36. *Gough, B., McFadden, M.* *Critical social psychology: An introduction*. — London: Palgrave, 2001.
37. *Greenwood, J.* *Realism, identity and emotion: Reclaiming social psychology*. — London: Sage, 1994.
38. *Harré, R., Secord, P.* *The explanation of social behaviour*. — Oxford, UK: Blackwell, 1972.
39. *Hayes, G.* Marxism and critical psychology. // D. Hook, with N. Mkhize, P. Kiguwa, A. Collins (Section Eds.), E. Burman, I. Parker (Consulting Eds.) *Critical psychology*. — Cape Town, South Africa: UCT Press, 2004. — P. 162—186.
40. *Henriques, J., Hollway, W., Urwin, C., Venn, C., Walkerdine, V.* *Changing the subject: Psychology, social regulation and subjectivity*. — London: Methuen, 1984.
41. *Hepburn, A.* Derrida and psychology: Deconstruction and its ab/uses in critical and discursive psychologies. // *Theory & Psychology*. — 1999. — Vol. 9. — P. 641—647.
42. *Hepburn, A.* *An introduction to critical social psychology*. — London: Sage, 2003.
43. *Hewstone, M., Stroebe, W., Codol, J.-P., Stephenson, G.* *Introduction to social psychology*. — Oxford, UK: Blackwell, 1988.
44. *Holzkamp, K.* On doing psychology critically. // *Theory & Psychology*. — 1992. — Vol. 2. — P. 193—204.
45. *Holzman, L., Morss, J.* (Eds.) *Postmodern psychologies, societal practice, and political life*. — London: Routledge, 2000.

46. *Hook, D.* (Ed.) *Critical psychology*. — Cape Town, South Africa: UCT Press, 2004.
47. *Ingleby, D.* Ideology and the human sciences: Some comments on the role of reification in psychology and psychiatry. // T. Pateman (Ed.) *Counter course: A handbook for course criticism*. — Harmondsworth, UK: Penguin, 1972.
48. *Jones, P.* Discourse and the materialist conception of history: Critical comments on critical discourse analysis. // *Historical Materialism*. — 2004. — Vol. 12(1). — P. 97—125.
49. *Kinderman, P.* How to win friends and influence politicians. // *The Psychologist*. — 2003. — Vol. 16(1). — P. 6—7.
50. *Kinderman, P., May, R.* Yes Minister, but. // *Asylum*. — 2003. — Vol. 13(3). — P. 24—30.
51. *Lubek, I.* Some tentative suggestions for analysing and neutralizing the power structure in social psychology. // L. Strickland, F. Aboud, K.J. Gergen (Eds.) *Social psychology in transition*. — New York: Plenum, 1976. — P. 317—333.
52. *Lubek, I.* The psychological establishment: Pressures to preserve paradigms, publish rather than perish, win funds and influence students. // K. Larsen (Ed.) *Social psychology: Crisis or failure?* — Monmouth, OR: Institute for Theoretical History, 1980. — P. 129—157.
53. *Mandel, E.* *The formation of the economic thought of Karl Marx*. — London: New Left Books, 1971.
54. *Mandel, E.* *Late capitalism*. — London: New Left Books, 1974.
55. *Mandel, E.* *From Stalinism to Eurocommunism: The bitter fruits of 'socialism in one country'*. — London: New Left Books, 1978.
56. *Mandel, E.* *Revolutionary Marxism today*. — London: New Left Books, 1979.
57. *Manganyi, N.C.* *Being-black-in-the-world*. — Johannesburg, South Africa: Raven Press, 1973.
58. *Martin-Baró, I.* *Writings for a liberation psychology* (A. Aron, S. Corne, Trans.). — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.
59. *May, R.* Taking the plunge. // *Asylum*. — 2000. — Vol. 12(3). — P. 4—5.
60. *McLaughlin, T.* Hearing voices: An emancipatory discourse analytic approach. // *Changes: An International Journal of Psychology and Psychotherapy*. — 1996. — Vol. 14. — P. 238—243.
61. *McLaughlin, T.* From the inside out: The view from democratic psychiatry. // *European Journal of Counselling, Psychotherapy and Health*. — 2003. — Vol. 6(1). — P. 63—66.
62. Melancholic Troglodytes. Anti-capitalism. // *Annual Review of Critical Psychology [Special Issue]*. — 2003. — Vol. 3.
63. *Middleton, D., Edwards, D.* (Eds) *Collective remembering*. — London: Sage, 1991.
64. *Mitter, S.* What women demand of technology. // *New Left Review*. — 1994. — Vol. 205. — P. 100—110.
65. *Montero, M., Fernández Christlieb, P.* (Eds) *Critical psychology in Latin America [Special Issue]*. // *International Journal of Critical Psychology*. — 2003. — Vol. 8.

66. *Morgan, M.* Qualitative research: A package deal? // *The Psychologist*. — 1996. — Vol. 9(1). — P. 31—32.
67. *Newman, F., Holzman, L.* Lev Vygotsky, revolutionary scientist. — London: Routledge, 1993.
68. *Papadopoulos, D.* Dialectics of subjectivity: North-Atlantic certainties, neo-liberal rationality and liberation promises. // *International Journal of Critical Psychology*. — 2002. — Vol. 6. — P. 99—122.
69. *Papadopoulos, D.* The ordinary superstition of subjectivity: Liberalism and technostructural violence. // *Theory & Psychology*. — 2003. — Vol. 13. — P. 73—93.
70. *Parker, I.* The crisis in modern social psychology, and how to end it. — London: Routledge, 1989.
71. *Parker, I.* Psychology Politics Resistance conference. // *Clinical Psychology Forum*. — 1994. — Vol. 72. — P. 37—38.
72. *Parker, I.* Critical psychology: Critical links. // *Annual Review of Critical Psychology*. — 1999. — Vol. 1. — P. 3—18.
73. *Parker, I.* Critical discursive psychology. — London: Palgrave, 2002.
74. *Parker, I.* Psychoanalysis and critical psychology. // D. Hook, with N. Mkhize, P. Kiguwa, A. Collins (section Eds.), E. Burman, I. Parker (consulting Eds.) *Critical psychology*. — Cape Town, South Africa: UCT Press, 2004. — P. 139—161.
75. *Parker, I.* Qualitative psychology: Introducing radical research. — Buckingham, UK: Open University Press, 2005.
76. *Parker, I.* Revolution in psychology: Alienation to emancipation. — London: Pluto, 2007a.
77. *Parker, I.* Lacanian psychoanalysis and revolutionary Marxism. // *Lacanian Ink*. — 2007b. — Vol. 29. — P. 121—139.
78. *Parker, I., Georgaca, E., Harper, D., McLaughlin, T., Stowell-Smith, M.* Deconstructing psychopathology. — London: Sage, 1995.
79. *Parker, I., Spears, R.* (Eds.) *Psychology and society: Radical theory and practice*. — London: Pluto, 1996.
80. *Peters, D., Ceci, S.* Peer-review practices of psychological journals: The fate of published articles, submitted again. // *Behavioral and Brain Sciences*. — 1982. — Vol. 5. — P. 187—255.
81. *Potter, J.* Representing reality: Discourse, rhetoric and social construction. — London: Sage, 1996.
82. *Potter, J.* Discourse and critical social psychology. // T. Ibáñez, L. Íñiguez (Eds.) *Critical social psychology*. — London: Sage, 1997. — P. 55—66.
83. *Prilleltensky, I., Nelson, G.* Doing psychology critically: Making a difference in diverse settings. — New York: Palgrave Macmillan, 2004.
84. *Ramon, S., Giannichedda, M.* (Eds.) *Psychiatry in transition: The British and Italian experiences*. — London: Pluto, 1989.
85. *Reicher, S., Parker, I.* Psychology, politics, resistance. // *Journal of Community and Applied Psychology*. — 1993. — Vol. 3. — P. 77—80.

86. *Richards, G.* Putting psychology in its place: An introduction from a critical historical perspective. — London: Routledge, 1996.
87. *Rose, N.* The psychological complex: Psychology, politics and society in England 1869—1939. — London: Routledge & Kegan Paul, 1985.
88. *Rowbotham, S., Segal, L., Wainwright, H.* Beyond the fragments: Feminism and the making of socialism. — Newcastle and London, UK: NSC/ICP, 1979.
89. *Sampson, E.* To think differently: The acting ensemble & mdash; A new unit for psychological inquiry. // International Journal of Critical Psychology. — 2001. — Vol. 1. — P. 47—61.
90. *Sloan, T.* (Ed.) Critical psychology: Voices for change. — London: Macmillan, 2000.
91. *Sohn-Rethel, A.* Intellectual and manual labour: A critique of epistemology. — London: Macmillan, 1978.
92. *Soldevilla, C.* Vertiginous technology: Towards a psychoanalytic genealogy of technique. // I. Parker, A. Gordo López (Eds.) Cyberpsychology. — London: Macmillan, 1999. — P. 42—58.
93. *Squire, C.* Significant differences: Feminism in psychology. — London: Routledge, 1989.
94. *Teo, T.* Klaus Holzkamp and the rise and decline of German critical psychology. // History of Psychology. — 1998. — Vol. 1. — P. 235—253.
95. *Teo, T.* The critique of psychology: From Kant to postcolonial theory. — New York: Springer, 2005.
96. *Therborn, G.* Science, class, society: On the formation of sociology and historical materialism. — London: Verso, 1976.
97. *Tolman, C.* Psychology, society and subjectivity: An introduction to German critical psychology. — London: Routledge, 1994.
98. *Tolman, C., Maiers, W.* (Eds.) Critical psychology: Contributions to an historical science of the subject. — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1991.
99. *Ussher, J.* The psychology of the female body. — London: Routledge, 1989.
100. *Walkerdine, V.* Schoolgirl fictions. — London: Verso, 1990.
101. *Walkerdine, V.* (Ed.) Challenging subjects: Critical psychology for a new millennium. — London: Palgrave, 2002.
102. *Weltman, D.* Political identity and the Third Way: Some social-psychological implications of the current anti-ideological turn. // British Journal of Social Psychology. — 2004. — Vol. 43(1). — P. 83—98.
103. *Went, R.* Globalization: Neoliberal challenge, radical responses. — London: Pluto, 2000.
104. *Wetherell, M., Potter, J.* Mapping the language of racism: Discourse and the legitimation of exploitation. — Hemel Hempstead, UK: Harvester Wheatsheaf, 1992.
105. *Wilkinson, S., Kitzinger, C.* (Eds.) Feminism and discourse. — London: Sage, 1995.
106. *Willig, C.* Introducing qualitative research in psychology: Adventures in theory and method. — Buckingham, UK: Open University Press, 2001.